

Исследовательская статья УДК 82.4 904 908 130.2 https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-148-161

ИНДЕЙЦЫ СРЕДНЕГО ЗАПАДА США В КНИГЕ МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР «ЛЕТО НА ОЗЁРАХ, В 1843-м»

Марина Прокофьевна Кизима

МГИМО МИД России, Москва, Россия m.kizima@inno.mgimo.ru https://orcid.org/0000-0001-9638-8238

Аннотация. В статье рассматривается книга американского романтика-трансценденталиста Маргарет Фуллер (1810–1850) «Лето на озёрах, в 1843-м», написанная ею по итогам поездки на Средний Запад США, её наблюдений и последующей работы в библиотеке Гарвардского университета; судьба коренного населения Америки в его столкновении с европейской цивилизацией — одна из центральных тем книги. Цель статьи — анализ трактовки данной темы в книге Фуллер. Автор ставит перед собой следующие задачи: описать круг культурных форм, выделяемых Фуллер в её наблюдениях; выявить особенности подхода Фуллер как наблюдателя; охарактеризовать

позицию Фуллер как культуролога и публициста. Для решения поставленных задач в статье используются методы «внимательного чтения» (close reading) и культурно-исторического анализа. Анализ показывает: перспектива взгляда Фуллер как наблюдателя — это перспектива «женского взгляда», подмечающего детали в поведении и положении женщин; Фуллер отмечает не только общие гендерные, возрастные стороны жизни индейцев, но и их индивидуальные черты; индейцы предстают не только как объекты наблюдений, но и как субъекты, участвующие во взаимоотношениях с белыми; Фуллер отмечает чуткость и деликатность индейцев при контактах с ней. Матрицей для наблюдений и размышлений Фуллер является романтическое миросозерцание, но она отказывается от поэтизации «благородного дикаря», свойственной эпохе Просвещения и ранним романтикам; учитывая идеи Гердера и Гёте, стремится к исследованию индейской культуры как органичной и целостной системы смыслов. Отмечается противоречивость позиции Фуллер как культуролога: разделяя доминировавшую в то время линеарную концепцию истории, являвшуюся частью колониального дискурса, Фуллер полагала, что с продвижением цивилизации индейцы обречены на вытеснение и вымирание. Вместе с тем, она выражала сомнения в линеарности истории, сочувствовала индейцам, была убеждена, что отношение белых к индейцам противоречит христианским ценностям.

Ключевые слова: Маргарет Фуллер, «Лето на озёрах, в 1843-м», индейцы США, американский трансцендентализм, романтизм, И.Г. Гердер, И.В. Гёте, линеарная концепция истории, колониальный дискурс

© Кизима М.П., 2021

Для цитирования: Кизима М.П. Индейцы Среднего Запада США в книге Маргарет Фуллер «Лето на озёрах, в 1843-м» // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, №. 3. — C. 148–161. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-148-161

Research article

THE INDIANS OF THE U.S. MIDWEST IN MARGARET FULLER'S SUMMER ON THE LAKES, IN 1843

Marina P. Kizima

MGIMO University, Moscow, Russia m.kizima @inno.mgimo.ru https://orcid.org/0000-0001-9638-8238

> **Abstract.** The article examines the book *Summer on the Lakes, in 1843* written by Margaret Fuller (1810-1850), an outstanding American romantic writer, about her journey to the Great Lakes; the book was based on her experience in the Midwest and a study of relevant works in the Harvard college library. The life of American Indians confronting the expansion of white immigrants and removal is in the focus of attention in the book. The article offers an analysis and interpretation of Fuller's views on the matter; methodologically it is based on a close reading of the book in its cultural and historical context and is to show the cultural forms Fuller describes, define her perspective as an observer and characterize her position as a thinker and publicist. The analysis demonstrates that Fuller's ethnographic observations and descriptions have important innovative features; her perspective is a woman's view, her eye is keen, she is attentive to the details of women's lives and the behavior of women of different ages; she points out common features in the age and gender aspects of the life of the Indians, as well as their individual, personal traits; the Indians appear in her description not only as objects of her observation but as subjects — persons who participate in the interaction with white settlers and travelers, including Fuller herself; she points out their delicacy, courteousness, and the good manners they show in her contacts with them. The analysis proves that the romantic worldview forms the matrix for Fuller's observations and deliberations but she rejects the poeticized view of the Indians and the concept of the noble savage introduced in the Enlightenment and elaborated in early romanticism. Creatively absorbing the ideas of Herder and Goethe Fuller wants to understand the culture of the Indians in its wholeness as an original, organic expression of the spirit of the people. The author draws attention to the contradictions in Fuller's cultural approach: sharing to a great extent the dominant concept of history as a linear progression (the concept that was part of the colonial discourse) Fuller believed that, with the onward progress of civilization, the Indians were doomed to removal and extinction; at the same time she had her doubts concerning the linear concept of history and sympathized with the Indians, was convinced that the attitude of the white people towards the Indians contradicted Christian values.

> **Keywords:** Margaret Fuller, Summer on the Lakes, in 1843, the Indians of the USA, American transcendentalism, romanticism, J.G. Herder, J.W. Goethe, linear concept of history, colonial discourse

For citation: Kizima, M. P. (2021). 'The Indians of the U.S. Midwest in Margaret Fuller's *Summer on the Lakes, in 1843', Concept: Philosophy, Religion, Culture, 5(3),* pp. 148–161. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-3-19-148-161

аргарет Фуллер (1810–1850) — писатель-романтик, выдающийся публицист, автор первой в США теоретической работы о равноправии женщин «Женщина в девятнадцатом столетии» (1845) — является, наряду с Эмерсоном и Торо, одной из ключевых фигур американского трансцендентализма. Книга «Лето на озёрах, в 1843-м» (Summer on the Lakes, in 1843), написанная по итогам поездки на Средний Запад, была её первым крупным произведением и принесла ей широкую известность.

Весной 1843 г. Фуллер в компании нескольких друзей отправилась вглубь континента «открывать» для себя Америку: она впервые покидала пределы родной Новой Англии. Маргарет было что «открывать»: страна стремительно росла, новые волны иммиграции меняли и количественный состав населения, и его структуру; к Союзу присоединялись новые территории, многие из них уже стали к тому времени полноправными штатами, индейцы же вытеснялись с их исконных земель.

Во время путешествия Фуллер делала заметки, рассказывала о своих впечатлениях в письмах к семье и друзьям. Отрывочные заметки и воспоминания нужно было затем осмыслить, дополнить и переработать в книгу; для этого она добилась разрешения поработать в библиотеке Гарвардского университета, — став первой женщиной, получившей такую возможность. Биограф Фуллер Томас Вентворт Хиггинсон, сам в то время работавший над диссертацией по богословию, вспоминал, как Фуллер «изо дня в день сидела в библиотеке, а студенты тайком глазели на неё — они никогда прежде не видели, чтобы в этих священных стенах книги читала женщина» [Higginson, 1884: 194]. В библиотеке Гарварда Фуллер провела кропотливую исследовательскую работу, изучила труды путешественников и учёных; собрав материал, сама села за письменный стол: её книга, вышедшая в свет летом 1844 г., стала сложным по своей структуре и жанру произведением, соединившим в себе художественное воображение и достоверное повествование о личном путешествии, документальные свидетельства, исторические, этнографические данные и философские размышления. Благодаря такому синтезу Фуллер удалось отобразить важные стороны исторических перемен; судьбы американских индейцев в их столкновении с европейской цивилизацией стали одной из центральных тем книги.

Надо сказать, что за последние годы американские учёные существенно продвинулись в изучении наследия Фуллер: вышли в свет работы Ч. Кэппера [Саррег, 2010], М. Маршалл [Marshall, 2013], коллективная монография под редакцией Б. Бейли [Margaret Fuller and Her Circles, 2013]; творчеству Фуллер был посвящён специальный выпуск журнала «Проза девятнадцатого века» [Nineteenth-Century Prose, 2015]. Не осталась без внимания исследователей и книга «Лето на озёрах, в 1843-м»: анализировались её композиционные и стилистические особенности [Zwarg, 1995; Steele, 2001; Cooper, 2000; Matteson, 2015]; интерес Фуллер к культуре индейцев Среднего Запада США также был предметом рассмотрения в работах ряда авторов [Maddox, 1991; Gilmore, 2000; Kolodny, 2001]. Однако некоторые аспекты и этнографических наблюдений, и культурологических размышлений Фуллер требуют дальнейшего изучения. К тому же, в российском научном сообществе книга «Лето на озёрах, в 1843м» не получила пока должного внимания: в главе о Фуллер академической «Истории литературы США» рассмотрению этого произведения отведено менее одной страницы [Зверев, 1999: 307]. Автор этих строк

ранее уже обращалась к анализу жанрового своеобразия книги Фуллер [Кизима, 2020]; цель данной статьи — закрыть имеющуюся лакуну в том, что касается наблюдений и размышлений Фуллер о культуре индейцев. Трактовка данной темы в книге Фуллер далека от однозначности и требует тщательного анализа и интерпретации. Автор ставит перед собой следующие задачи: детально изучив текст книги, очертить и описать круг культурных форм, выделяемых Фуллер в её наблюдениях; выявить особенности подхода Фуллер как наблюдателя; охарактеризовать позицию Фуллер как культуролога и публициста. Для решения поставленных задач автор считает наиболее продуктивным методы «внимательного чтения» (close reading) и культурно-исторического анализа.

Обратимся к тексту произведения. Повествование о путешествии открывают два лирических стихотворения Фуллер, подводящие его своеобразный итог. Стихотворение «Лето на озёрах» («Summer on the Lakes»), — озаглавленное, как и вся книга, — говорит о том, что летние дни были непростыми, их удовольствия куплены дорогой ценой, в их плодах и горечь, и сладость, но они многому научили. Центральный образ второго стихотворения — «К другу» («То a Friend») — это мелкие подарки, привезённые возвратившейся путешественницей, всё, что она может предложить, и не знает, пригодится ли это другу. А привезла она клочок сухой травы из прерии, ракушку, сброшенные оленем рога и «орлиное перо, украшавшее Воина, наверное, последнего из своего отчаявшегося племени» [Fuller, 1844: 2]. Все эти предметы говорят об утратах, о жизни, навсегда ушедшей: трава засохла, моллюск, живший в ракушке, давно истлел, рога и перо — сброшены; перо осталось, но нет ни птицы, которой оно принадлежало, ни человека, которого оно когда-то украшало, ни племени, для которого оно, возможно, было символом. Нельзя не видеть, что все эти сувениры, — прямо или косвенно связанные с культурой коренных жителей континента, их землёй; то, в чём они видели красоту и смысл, — объединяют в себе природу и человека, но при этом представляют как бы их безжизненный остаток, увядшее и отошедшее в небытие прошлое. Фуллер замечает, предлагая эти «малые дары», что она «даёт то, что может, а не то, что хотела бы дать» [Fuller, 1844: 2].

Так с самого начала книги как её лейтмотив звучит тема судьбы индейцев Среднего Запада США. Одно из достоинств книги Фуллер в том, что она вписывает свои наблюдения и размышления об индейцах в общий контекст всех своих впечатлений и рассуждений: покорение западных земель, иммиграция, вытеснение индейцев, рост городов, уничтожение девственных лесов, положение женщин, её собственное «я» перед лицом неизведанного, — все стороны жизни предстают во взаимосвязях и в контексте путешествия. Повествование ведётся очень лично от лица женщины, рассказывающей о своём опыте встреч с новым для неё географическим, историческим, общественным и личным пространством. Фуллер осмысляет продвижение американцев к Тихому океану и собственное путешествие на озёра как часть национального опыта, в котором она особо выделяет драматизм судьбы индейцев и значимость их культуры.

Первым важным пунктом на пути Фуллер и её спутников, истинно американской достопримечательностью был Ниагарский водопад. Ниагара уже стала тогда коммерческой достопримечательностью: одно из важнейших романтических мест присутствия величественного в мире оказалось местом приложения коммерческих интересов. Фуллер с сарказмом пишет о том, как завлекают туристов: вот пронырливый «гид к водопаду» со шляпой, на которой так и написано «провожу к водопаду»; у водопада — орёл, привязанный к столбу для развлечения туристов; а вот и ниагарский отшельник, решивший быть «отшельником» напоказ [Fuller, 1844: 9-10].

Сама Фуллер испытала сложные чувства. Ниагарский водопад, вечно низвергающийся, стал для неё особым духовным опытом: история Творения предстала зримо не как завершённый акт, а как закон вечного творения, как бесконечное и неустанное движение, и в этом контексте она будет осмыслять современные ей истори-

ческие процессы. Но непрерывный грохот Ниагарского водопада так захватил её, что вызвал «неопределённый страх», которого она ранее никогда не ощущала: «Постоянный шум воды захватил мои чувства. Я ощущала, что не слышу никаких других звуков, даже вблизи, вздрагивала и оглядывалась назад, нет ли там угрозы» [Fuller, 1844: 5]. Звук воды вызвал в её воображении нежеланные и непредвиденные ею образы, никогда прежде не возникавшие в её сознании, — образы «нагих дикарей, крадущихся <у неё> за спиной с поднятыми томагавками» [Fuller, 1844: 5]. И хотя она убеждала себя, что всё это — только плод её воображения, эти образы возникали вновь и вновь, заставляя её вздрагивать и оглядываться.

Маргарет откровенно пишет об этом, подвергая свои переживания анализу, ведь они отражают и факт кровавого столкновения народов и культур на Американском континенте, и стереотипы, закрепившиеся в массовом сознании и литературе в отношении индейцев. У Ниагарского водопада Фуллер обнаружила, что и она не свободна от предрассудков, что в глубинах и её сознания таится страх. Более того, Маргарет косвенно указывает на то, что, двигаясь на Запад, как продвигались ранее другие европейские поселенцы, она сама вторгается на чужую территорию, посягает на пространство индейцев и должна опасаться.

Вскоре ей предстояло увидеть индейцев воочию. После Ниагарского водопада путешественники отправились в плавание по озеру Эри, затем по реке Сент-Клэр, соединяющей Эри и Гурон, Гурону, с заходом в Кливленд, Детройт и затем в Чикаго. На реке Фуллер впервые увидела индейцев: они стояли лагерем на берегу.

К середине 1840-х гг., в отличие от времён Фенимора Купера и других романтиков старшего поколения, индейцы Среднего Запада (не говоря уже о Востоке) в большинстве своём были вытеснены со своих земель, утратили свой свободный статус, оказались в унизительной зависимости. Фуллер видела не гордых свободных людей, а тех, кто находился в унижении: на озере Гурон множество индейцев собрались, чтобы получить свои ежегодные выплаты от

правительства США, они расположились лагерем на берегу озера и жили тем, что ловили рыбу. Маргарет могла убедиться в удручающей деградации коренных обитателей Америки в результате их соприкосновения с новыми поселенцами, «что они привыкли к пьянству и деградировали во всех отношениях» [Fuller, 1844: 182]. При этом, в отличие от воображаемых страхов на Ниагарском водопаде, в действительности встречи с индейцами её совсем не напугали, она с любопытством наблюдала за их лагерем, как играют дети, как женщины готовят пищу, а молодые девушки о чём-то разговаривают и очаровательно смеются.

Конечно, особое внимание Фуллер обратила на женщин и их положение в культуре индейцев, а её собственный «женский взгляд» дал ей как наблюдателю особую перспективу: в её поле зрения попали детали, ускользавшие от путешественниковмужчин. К тому же она смогла значительно более непосредственно общаться с женщинами из индейских племён. Вначале женщины показались ей почти все грубыми и уродливыми, за исключением их глаз. Она видела их согбенные спины, их поступь показалась ей неуклюжей, отличающейся от ровной и уверенной поступи мужчин, что указывало на более низкий, подчинённый социальный статус женщин. Но когда Фуллер подошла к ним поближе, её поразила и очаровала деликатность их манер. Фуллер показала женщинам разные безделушки, и те проявили любопытство, но никогда не приближались к ней слишком близко, не нарушали приличествующую дистанцию, и всё, что она давала им посмотреть, они держали в руках аккуратно и возвращали столь же бережно. Ей запомнились застенчивость этих женщин, а затем весёлые улыбки, когда она показала одной из них, как пользоваться зонтиком от солнца.

Фуллер уделяет внимание устройству индейского общества, оценивает, в частности, положение женщин. Она приходит к выводу о том, что в целом у индейцев женщины занимают более подчинённое положение, чем у белых, но это не является для неё поводом к восхвалению цивилизации белых. Уважение, проявляемое индейцами к пожилым женщинам, она считает схожим

с отношением, существующим у представителей средних классов в европейской и американской культурах, в которых также женщинам дают долю влияния, не давая при этом действительной власти.

Необычен для этнографических исследований того времени интерес Фуллер к повседневной жизни женщин. Здесь её непредвзятость и чуткость позволяют ей сделать наблюдение, которое станет очень важным только в современной этнографии: она отмечает, что сам факт её присутствия влияет на поведение индейцев, — наблюдатель оказывает воздействие, которое он должен учесть как таковое, и он сам является объектом наблюдения со стороны тех, за кем наблюдает: индейцы предстают в её описаниях не только как объекты, но как значимые субъекты. Вот как она описывает свою встречу с группой индейцев поттаваттами, в чьих вигвамах её спутники и она сама нашли убежище во время грозы:

«Они проявили всю характерную для них деликатную любезность в отношении незнакомцев, нуждающихся в чём-либо; хотя было очевидно, что визит, который доставил им неудобство, мог быть вызван только самым неподобающим любопытством, они сделали всё, чтобы нам было удобно, насколько это позволяла их крайняя бедность. Они, судя по всему, думали, что мы не захотим к ним прикасаться: больная девочка в палатке, где я была, всё время хотела подвинуться, чтобы я была там, где сухо; женщина с присущей этой расе милой меланхолией всё не давала детям и мокрым собакам даже прикоснуться к подолу моего платья» [Fuller, 1844: 119].

Как мы могли убедиться, Фуллер интересуют разнообразные формы повседневной жизни, разные представители индейского сообщества: мужчины, женщины, дети. Она критически относится к своим первым впечатлениям, проверяет их, вступая в непосредственный контакт с индейцами, отмечает ошибочность некоторых из своих первых впечатлений; указывает на многогранность эмоций, проявляемых индейцами при контактах с ней (любопытство, интерес, весёлый смех) и неизменную деликатность поведения.

Многие строки в заметках Фуллер об индейцах говорят о её уважении к ним как народу, о её искреннем сочувствии и сострадании: например, среди индейцев она заметила «молодую девушку, с младенцем за спиной, чьи ясные глаза смотрели так, как если бы она родилась в мир мужества и радости, а не унизительной зависимости и медленной деградации» [Fuller, 1844: 173].

Индеец в американской культуре того времни был представлен, с одной стороны, в образе жестокого дикаря, вызывавшего страх, а с другой — в образе дикаря благородного. Образ благородного дикаря сформировался в европейской культуре ещё в эпоху Просвещения, поэтизированные образы индейцев, их нравов мы видим в творчестве романтиков Фенимора Купера, а затем и Лонгфелло. Эта идеализация, движимая высоким гуманизмом авторов, была способом романтического освоения действительности в её жестоких противоречиях; романтизм создавал парадигму восприятия и трактовки данной тематики, и Фуллер вначале разделяла «поэтический» взгляд на индейцев. В своей книге она, однако, отвергает модель «благородного дикаря», закреплённую в американской литературе Купером и другими романтиками старшего поколения, называет этот образ «представлением белого человека о герое дикаре, который был бы значительно лучше в своих естественных пропорциях» [Fuller, 1844: 32]. Фуллер говорит о том, что нужно обратиться к жизни таких реальных исторических личностей, как король Филип, Текумсе, Понтиак и Красный Жакет, чтобы иметь возможность «увидеть то, что было великим в индейской жизни и в индейском характере» [Fuller, 1844: 233]. Этот призыв свидетельствует о стремлении Фуллер понять индейскую культуру изнутри, вникнув в её систему ценностей и смыслов. Она опирается на романтическое понимание органичности форм, самобытности народного духа. В этом ей помогает творческое освоение европейского литературного опыта; исследователи отмечают интенсивное развитие трансатлантических литературных связей в те годы, и Маргарет Фуллер была активным участником этого процесса [Margaret Fuller: Transatlantic Crossings..., 2007].

Реальный опыт путешествия, как и чтение книг путешественников и исследователей культуры коренных жителей Америки, перевернули отношение Фуллер к этой проблематике. Фуллер прочла немало работ разных исследователей — таких, как Джеймс Адэр (James Adair, 1709–1783), Генри Роу Скулкрафт (Henry Rowe Schoolcraft, 1793-1864), была знакома с произведениями художника Джорджа Кэтлина (George Catlin, 1796-1872); Кэтлин путешествовал и изучал жизнь индейских племён, сделал много портретов индейцев и зарисовок их быта, кроме того, опубликовал ряд книг об индейцах и их культуре. Этнографические познания Фуллер были почерпнуты ею из прочитанных книг, но многие из них были написаны в иной исторический период, а ситуация существенно изменилась; Фуллер приходилось корректировать свои представления на основе собственных наблюдений.

Индейцы Среднего Запада и их судьбы становятся в книге Фуллер предметом не только её наблюдений, но и культурологических и антропологических размышлений. Сравнивая европейскую цивилизацию и жизнь коренных обитателей континента, она отмечает в индейцах смелость, изобретательность, стойкость, но и такие качества, как свирепость, узость мышления. Фуллер считает, что европейцы более склонны к абстрактному мышлению, и в этом они превосходят аборигенов, но есть и то, в чём индейцы превосходят белых: «Пока что он <европейский человек> теряет в гармонии бытия то, что он обретает в высоте и размахе; цивилизованный человек более велик умственно, чем дикарь, но уступает ему в совершенстве своей природы» [Fuller, 1844: 221]. Фуллер говорит о дисгармонии в жизни европейского человека: при всём величии своих умственных достижений по мере продвижения цивилизации он разрушает гармонию естественного мира вовне и внутри самого себя.

Фуллер вскрывает психологию белых, природу их отвращения и неприязни к индейцам: она пишет, что европейцы рассматривают землю и всё, что на ней, как принадлежащее им и только им и очень быстро проникаются антипатией к индейцам, на права которых они посягают; она называет это «антипатией того, кто виноват, к тому, кому он причиняет зло» [Fuller, 1844: 115].

Эту антипатию к индейцам она особенно остро чувствовала среди белых женщин (Фуллер и сама, как мы могли убедиться, в начале путешествия не была свободна от стереотипных страхов перед «дикарями», но она настойчиво стремилась выйти за пределы предрассудков, опираясь на действительный опыт): «Я писала о ненависти белого мужчины к индейцу, а у белых женщин эта ненависть переходит в отвращение, в омерзение. Одна моя знакомая дама поражалась, как это я могла стерпеть грязь и особый запах индейцев и их жилищ <...>. Все их права и печали совершенно забывают, испытывая неприязнь к их нечистоплотности, их тёмной коже и порокам, которым их научили сами же белые» [Fuller, 1844: 183].

В противовес постоянным разговорам её спутников о нечистоплотности и жестокости индейцев Фуллер говорит об эстетическом вкусе, проявленном индейцами при сооружении курганов, которые она видела в покинутой индейской деревушке; указывает на их внутреннюю скромность и благородство (в отличие от самомнения белых); рассказывая об индейце, получившем медаль от президента Вашингтона за храбрость и сказавшем при этом, что, когда он действовал именно так, а не иначе, он и не знал, что это похвально, а теперь — знает, Фуллер с горечью восклицает: «Нам бы так !..» [Fuller, 1844: 232].

В завершающих главах Фуллер пытается проникнуть внутрь индейской культуры, взглянуть на неё изнутри через фольклор, мифологию, религиозные обряды. Чтение трудов Гердера, творческое освоение наследия Гёте подготовило Фуллер к такому новаторскому культурологическому подходу; как пишет Белл Гейл Шевиньи, «её приверженность Гёте заложила основу её вклада в интеллектуальную жизнь трансценденталистов» [Chevigny, 1994: 147]. Фуллер интересовала индейская культура как самостоятельная и органич-

ная система смыслов и представлений, — в их выявлении и толковании она опиралась и на описания исследователей, и на собственные наблюдения. Конечно, пониманию помогал и сравнительный подход: Фуллер сравнивает индейский фольклор и с древнегреческим, и с фольклором северных европейских народов.

Особенно существен, на наш взгляд, тот факт, что Фуллер с большим уважением и симпатией рассматривает религиозные взгляды индейцев, выделяя анимистические представления как стержень и указывая на отличительные особенности: космизм иномирности, строгость этического кода в отношении правды и верности. Фуллер пишет о глубокой симпатии, проявляемой индейцами к животным во время их ритуального жертвоприношения.

Фуллер видит вину белого человека в упадке американских индейцев: «Все непредвзятые наблюдатели свидетельствуют о том, что, пока общение с белыми, предлагающими индейцам религию, которой они не дают ни толкования, ни примера, не оторвало индейцев от прежде скреплявших их опор, они были исключительно добродетельны, если полагать, что добродетель заключается в том, что человек действует, исходя из своих представлений о том, что правильно» [Fuller, 1844: 208].

Маргарет подчёркивает, что именно белые систематически захватывали земли индейцев, разрушали их органы управления и почти уничтожили их культуру. Именно белые, по мнению Фуллер, несут всю полноту ответственности за неудавшиеся попытки интегрировать индейцев в общество. Среди тех, кого она клеймит позором, и городские филантропы, и торговцы, продающие индейцам некачественный табак и отравляющий их ром, и священники, проповедующие «чистоту». С сарказмом Фуллер пишет:

«"Мои друзья дикари! — восклицает старый толстый священник, — вы должны, прежде всего, стремиться к чистоте".

<...> Чем такая насмешка над христианской верой, — лучше уж их собственные дикарские "собачьи пиры" и кровавые ритуалы. "Собака, — говорил один индеец, — когда-то была духом; этот дух пал за свой грех, и в этой форме был дан Великим духом человеку как его самый умный спутник. Поэтому мы приносим его в жертву в честь наших друзей в этом мире и наших гениев-защитников в ином".

В этой мысли есть религиозное сознание. Белый же человек приносит в жертву своего брата — притом Мамоне, — но отворачивается от "собачьего пира"» [Fuller, 1844: 184–185].

Фуллер приводит слова индейца, спросившего её, как это возможно, что работорговцы — христиане? И она задаёт тот же риторический вопрос: как возможно, что работорговцев считают христианами, а индейца — менее похожим на Христа, чем они? Фуллер родилась и выросла в штате Массачусетс, свободном от рабовладения; институт рабства, работорговля вызывали у неё неприятие и возмущение. В книге, как видим, она пишет о работорговцах с сарказмом, однако не углубляется в рассмотрение данной проблемы. Вместе с тем, именно путешествие на Средний Запад позволило Фуллер осознать не только ужасающую бесчеловечность рабства, но и реальность угрозы его распространения за пределы старых южных штатов на вновь заселяемые территории (конфликт вокруг западных земель стал в дальнейшем одной из причин Гражданской войны 1861-1865 гг.). В середине 1840-х в публикациях в газете «Нью-Йорк Трибюн», в книге «Женщина в девятнадцатом столетии» Фуллер выступала решительно против аннексии Техаса и распространения там рабовладения, высказывалась в поддержку аболиционистов, стремившихся к отмене рабства на всей территории США.

Став свидетелем медленного геноцида индейцев, Фуллер приходит в своём травелоге к очень скорбным выводам: она предвидит трагическое завершение противостояния двух рас, обречённость индейцев на постепенное вытеснение и вымирание. Однако трактовка причин такой обречённости в книге весьма противоречива. С одной стороны, как мы могли убедиться, Фуллер свободна от расовых предрассудков; более того, она убеждена, что корни

этой обречённости отнюдь не в качествах самих индейцев, напротив, — вина лежит на плечах европейцев, не желающих следовать своим же провозглашаемым идеалам: «Белый человек всё ещё наполовину пират и, как и прежде, пользуется принципом "правда в силе". Цивилизация для всех лишь создаёт покров из уловок и экивоков и иногда вдохновляет отдельные умы воззвать к небу против этого» [Fuller, 1844: 195–196]. Она видела враждебность белых поселенцев к индейцам, униженное положение оставшихся индейцев, и будущее коренного населения Америки предстало ей в мрачном свете: «Я знаю, что европейцы, завладевшие этой страной, считали, что их оправдывает превосходство их цивилизации и религиозных идей. Если бы они были действительно цивилизованными христианами, конфликтов, возникавших из-за столкновения двух рас, можно было бы избежать; но этого нельзя ожидать в движениях, охватывающих массы людей. Массы никогда ещё не удавалось гуманизировать» [Fuller, 1844: 234].

Однако в книге в доказательство обречённости индейцев на постепенное вытеснение и исчезновение вполне отчётливо звучат и аргументы принципиально иного рода, и связано это, главным образом, с господствовавшим в то время представлением о линеарном развитии истории, о прогрессе как поступательном движении, вытесняющем всё устаревшее, отсталое, всё, что не модернизируется. В культурном сознании белых американцев индейцы существовали только как дикари (в лучшем случае «благородные»), чья жизнь несовместима с цивилизацией, их исчезновение при продвижении цивилизации казалось неизбежным, вопрос о совместном построении нового общества как реальная возможность практически не рассматривался. Это доминировавшее представление об историческом процессе создавало фундамент колониального дискурса, способствовало в дальнейшем распространению доктрины «явного предначертания»; оно оказало существенное влияние даже на тех, кто, как и Фуллер, не разделял расистских предубеждений, не преследовал корыстных экономических интересов, кто сочувствовал индейцам, ценил их культуру и воспринимал происходившее вытеснение индейцев с горечью и болью.

Фуллер особо выделяет тех белых, кто проявил уважение к индейцам, она пишет большое стихотворение, посвящённое губернатору Эверетту, принимавшему индейских вождей в Бостоне в ноябре 1837 r. («Governor Everett Receiving the Indian Chiefs, November, 1837»). Он принял их достойно, любезно и уважительно. Фуллер подчёркивает, что он проявил понимание того, как нужно говорить с индейцами, в своей книге приводит полностью его речь, в которой он называет их братьями и вспоминает доброе отношение индейцев к первым белым переселенцам, использует образы отца, сына, брата. Вместе с тем, и в стихотворении Фуллер, и в книге в целом, хотя и с горечью, звучит мысль о неизбежности гибели индейцев и их культуры:

An unimproving race, with all their graces And all their vices, must resign their places; And Human Culture rolls its onward flood Over the broad plains steeped in Indian blood.

Вот эти строки в прозаическом переводе: «Не совершенствующаяся раса, со всеми её достоинствами и со всеми её пороками, должна уступить своё место; и Культура Человечества катится вперёд потоком по широким равнинам, пропитанным индейской кровью» [Fuller, 1844: 188]. Неслучайно в открывавшем книгу стихотворении «К другу» подарки, привезённые путешественницей, — это засохшая трава прерий, орлиное перо, украшавшее воина, оленьи рога, ракушка — останки прежней жизни; они предваряют не только процитированные выше строки, но и то практическое предложение, с которым Фуллер выступает в книге. Она предлагает создать национальный институт во главе с историком, предпочтительно индейского происхождения — «историком индейцев должен быть представитель их расы, который будет способен сопереживать с ними» [Fuller 1844: 232], — для сохранения того, что осталось от индейской культуры.

Исследователям трудно принять, что в сдержанном научном тоне Фуллер рассуждает не о сохранении индейцев как живого народа, а об индейцах как о выми-

 $\blacklozenge \supset$

рающем народе, память о котором необходимо сохранить, сохранив предметы его материальной культуры и даже кости как антропологические экспонаты: «Мы надеемся также, что будет создан национальный институт, где будут размещены останки индейцев — всё, что было сохранено в результате официальных контактов в Вашингтоне, коллекция Кэтлина и как можно более полная картинная галерея, с коллекцией черепов из всех частей страны. В дополнение к этому следует присоединить и существующую по данному предмету скромную библиотеку» [Fuller, 1844: 233]. Комментируя эти строки, Джон Мэтсон, например, пишет: «От такой чувствительной и хорошо образованной женщины, ставшей прямым свидетелем постепенного геноцида, ожидаешь существенно больше, чем ужасающую надежду, что кости жертв будут выставлены должным образом напоказ. Возможно, она писала об этом с иронией; однако контекст её замечаний не имеет явных признаков сатирического намерения» [Matteson, 2012: 245]. Далее, однако, он даёт объяснение позиции Маргарет: «Более вероятно, что, понимая очевидную безнадёжность ситуации, Фуллер просто считала, что мало на что большее можно надеяться. < ... > Их судьба имела для неё значение; она просто полагала, что её невозможно изменить» [Matteson, 2012: 245]. Мэтсон высказывает и своё отношение к публицистическим возможностям, которыми Фуллер не воспользовалась: «Если бы она обратилась более упрямо и красноречиво к лучшим сторонам характеров своих соотечественников и настаивала на том, что индейцы не историческая достопримечательность, которую нужно сохранить в памяти, но равные члены человеческой семьи, которых нужно уважать и сохранить в действительности, её книга была бы лучше и она осуществила бы великое дело. То смирение, с которым она приняла их уничтожение, — самая печальная сторона этой в целом меланхолической книги» [Matteson, 2012: 245].

Не могу с этим вполне согласиться. Да, Фуллер не предлагает в книге мер по спасению индейцев как народа. Она с глубоким пессимизмом относилась к политике официальных властей и планам переселить восточные племена индейцев на западные земли, узаконить для них индивидуальное владение землёй. Этот план выдвигался судьёй Джеймсом Холлом и Томасом Л. МакКенни в их труде «Индейские племена Северной Америки» (Thomas L. McKenney and James Hall. The Indian Tribes of North America)1. В своих размышлениях Фуллер прямо говорит об этом плане: «В книге МакКенни предлагается проект организации индейцев в рамках патриархального управления, но он не выглядит реалистичным даже на бумаге» [Fuller, 1844: 235]. Такого рода идеи не привлекали Фуллер; она считала, что нужно просто дать возможность индейским вождям самим организовать управление, и «они сделали бы это лучше, чем белые мыслители со всеми их общими познаниями» [Fuller, 1844: 235]. Но опыт показывал ей, что «варварский эгоизм» белых подрывает надежду на это (Фуллер указывает на ситуацию в Джорджии, где была возможность реализовать такое самоуправление, но всё сорвалось). Она писала, что гуманизировать массы никогда не удавалось, но как романтик-трансценденталист и как христианка — она обращалась с призывом к индивидуальной совести людей разных положений: «Пусть каждый человек посмотрит на себя, в какой мере эта кровь будет на его руках и с него спросится за неё. Пусть миссионер проповедует не индейцам, а тем торговцам, которые губят их <...>. Пусть каждый законодатель примет этот вопрос к своему сердцу, и если он не может устранить последствия прошлого греха, пусть попытается понять и прояснить, как спасти нас от погружения в ещё больший грех. И пусть каждый мужчина и каждая женщина в своих личных делах с подчинённой расой избегают всякого участия в том, что может, оскорблением или

¹ Подробный анализ политики официальных властей и позиций реформаторов в отношении переселения индейцев дан в книге: [Prucha, 1995].

предрассудками, сделать пленение Израиля ещё более горьким» [Fuller, 1844: 236]. Здесь необходимо отметить, что Фуллер не только обращается к истории народа Израиля, изложенной в Библии, к глубокой библейской символике, но и к представлениям некоторых американских исследователей и этнографов того времени (в частности, Джеймса Адэра) о том, что индейцы были потомками десяти потерянных колен Израиля. Таким образом, как публицист она фактически собрала здесь в единый узел все возможные рычаги ментального и эмоционального воздействия на своих читателей в защиту коренного населения Америки. В 1843 г. Фуллер не была ещё готова к более решительным и радикальным действиям, но призыв к совести белых американцев звучит в её книге вполне отчётливо. Значение такого рода эмоционального воздействия в культурном контексте отношений между индейцами и белыми в ту эпоху было велико, это подчёркивает в своём исследовании, в частности, Лора Милке [Mielke, 2008].

Стоит также отметить, что Фуллер в некоторой мере всё же ставит под сомнение представление о поступательном развитии мира, в котором неизбежно вытеснение и исчезновение культур и рас. Изучение творчества Гердера (его акцент на многообразии культурно-исторических форм, на устремлённости исторического движения человечества к достижению гуманности) позволило Фуллер усомниться в идее линеарного развития. Она отмечала, что в истории обретения сопровождаются потерями, движение вперёд сменяется откатом назад; гуманность была и для неё важнейшим критерием оценки.

Одним из проявлений гуманности было для романтиков отношение к природе. Романтики питали особые чувства к девственной природе как творению Бога, красота природы и естественный труд на лоне природы казались ещё и возможностью развития лучших нравственных и духовных качеств. Эти предпочтения и надежды были присущи и европейским и американским романтикам, но для американцев они были к тому же частью национального опыта фронтира, национального мифа о

Новом Адаме и преодолении греха в Новом Свете, ведь перед ними лежали новые земли, открывавшие возможности для нового начала.

Однако жизнь Фуллер пришлась на период интенсивной вырубки лесов. На Среднем Западе она обнаружила, что почти все старые царственные деревья уже были вырублены, она клеймила белых как вульгарных варваров, которые могут только использовать природу, слепы к её красоте, писала о том, что и потомки белых варваров никогда не смогут искупить грех этого насилия над природой.

Озёра и бескрайние прерии к западу поражали своим величием, своей обнажённой красотой, — «только земля и вода, наполненные светом» [Fuller, 1844: 35], давали особое ощущение беспредельности пространства. Строки Фуллер пронизаны сознанием того, что эта земля, её величие и красота и есть величайшее достояние американцев, требующее сохранения и любви. В День независимости, восхищаясь видом с горы, она пишет: «Думаю, по сравнению с этой столицей искусства природы Рим и Флоренция — лишь пригороды» [Fuller, 1844: 53]. Это замечание говорит нам о многом: увиденная глазами писателя-романтика, природа американского Среднего Запада соотносится с историческими достижениями западной цивилизации и превосходит их в величии и красоте, центр мира, его столица словно перемещаются вглубь американского континента; опыт созерцания красоты становится опытом переживания мировой истории, ощущением особого места своей страны в мировом историческом развитии.

Величие и красота американской природы становятся в книге Фуллер своеобразным камертоном для оценок действий людей. Тот факт, что красота земли находится под угрозой уничтожения, во многом определяет отношение Маргарет к белым поселенцам; существенно и то, что поведение индейцев рассматривается Фуллер в сравнении с поведением белых американцев. Посмотрев на белых поселенцев и то, как они организуют свою жизнь на землях, всего несколько лет тому назад принадлежавших индейцам, она не могла

не отметить, что индейцы значительно более внимательно и уважительно относились к природе: они не эксплуатировали её так, как белые, которые за краткий период своего владения сумели совершенно обезобразить занятые ими пространства. Американцы постоянно уподобляли себя Древнему Риму, но Фуллер с иронией пишет, что в своём продвижении вглубь континента они были подобны «не римлянам, а готам» [Fuller, 1844: 47], — «цивилизованные люди» уподобляются варварам-разрушителям.

Эта образная оценка действий белых поселенцев является весьма показательной, ведь она отсылает читателя к истории падения великой цивилизации Рима под натиском варваров — истории, ставящей под сомнение саму линеарную концепцию прогресса. Надо сказать, что в этом контексте образные историко-символические характеристики индейцев также неожиданно нарушают устойчивые стереотипы: если в стихотворении, посвящённом губернатору Эверетту, индейца, идущего по улицам Бостона, Фуллер уподобляет скифу, то четвёртая глава книги завершается величественным образом индейского вождя как «истинного римлянина», со скорбным достоинством идущего по улицам Милуоки, как будто понимая, что «бесполезно бороться или сопротивляться» [Fuller, 1844: 121]. Всё это свидетельствует фактически о том, что во взглядах Фуллер на культуру индейцев Среднего Запада и её место в истории человечества нет однозначности, её противоречивые образы приглашают читателей к размышлению и дискуссии.

Заключение. Подводя итоги анализа, можно сделать следующие выводы. В книге «Лето на озёрах, в 1843-м» индейцы Среднего Запада США и их культура описаны доброжелательным и проницательным наблюдателем, стремящимся к точности и достоверности. Существенно, что перспектива взгляда Фуллер как наблюдателя — эта перспектива «женского взгляда», внимательно подмечающего детали в поведении и положении женщин разных возрастов. Будучи женщиной, Фуллер име-

ла возможность более непринуждённого контакта с женщинами и детьми, возможность наблюдать их действия как субъектов и разнообразие их эмоциональной жизни. Фуллер отмечает не только общие гендерные, возрастные стороны жизни индейцев, но и индивидуальные, персонализированные черты; индейцы в описаниях Фуллер предстают не только как объекты её наблюдений, но и как субъекты, участвующие во взаимоотношениях с белыми и непосредственно с ней самой; она пишет о душевной чуткости и деликатности индейцев при контактах с ней.

Фуллер — писатель-романтик, и именно романтическое миросозерцание становится матрицей для её наблюдений и размышлений. Она отказывается от поэтизации «благородного дикаря», свойственной эпохе Просвещения и ранним романтикам, но идеи Гердера и Гёте, романтическая литературная традиция помогают Фуллер найти свой подход в контактах с индейцами. Новаторство её подхода состоит в том, что она стремится к исследованию индейской культуры в её самобытности как органичной, самостоятельной и целостной системы смыслов, выражение народного духа. Фуллер наблюдает за повседневной жизнью индейцев, но в ткани повседневности выделяет фундаментальные смыслы, отмечает глубину их религиозного сознания и достоинство их эстетического вкуса, их гармоничных отношений с природой.

В позиции Фуллер как культуролога есть противоречия: разделяя во многом доминировавшую в то время линеарную концепцию истории, Фуллер полагала, что с продвижением цивилизации индейцы обречены на вытеснение и вымирание; вместе с тем, она выражала сомнения в линеарности истории, считала, что вся полнота ответственности за противостояние двух рас лежит на белых, что это противостояние трагично и противоречит христианским ценностям. Как публицист она обращалась к совести каждого человека с призывом проявить свою веру и гуманность в отношениях с индейцами.

Список литературы:

Higginson Th.W. Margaret Fuller Ossoli. — Boston: Houghton Mifflin, 1884. — 323 p.

Capper Ch. Margaret Fuller: An American Romantic Life: in 2 vols. Vol. 2: The Public Years. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. — xxi, 649 p.

Marshall M. Margaret Fuller: A New American Life. — Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. — XXI, 474 p.

Margaret Fuller and Her Circles / Ed. by B. Bailey et al. — Durham, N.H.: University of New Hampshire Press, 2013. — x, 318 p.

Nineteenth-Century Prose, Special Issue on Margaret Fuller. — 2015. —Vol. 42. No. 2. – 464 p.

Zwarg Ch. Feminist Conversations: Fuller, Emerson, and the Play of Reading. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1995. — x, 302 p.

Steele J. Transfiguring America: Myth, Ideology, and Mourning in Margaret Fuller's Writing. — Columbia : University of Missouri Press, 2001. — xi, 330 p.

Cooper M. B. Textual Wandering and Anxiety in Margaret Fuller's Summer on the Lakes // Margaret Fuller's Cultural Critique: Her Age and Legacy /Ed. with Introduction by F. Fleischmann. — New York: Peter Lang, 2000. — P.171–189.

Matteson, J. Overcoming Fragmentation in Summer on the Lakes // Nineteenth-Century Prose, Special Issue on Margaret Fuller. — 2015. — Vol. 42. No. 2. — P. 63–92.

Maddox L. Points of Departure: Fuller, Thoreau, and Parkman // Removals: Nineteenth-Century American Literature and the Politics of Indian Affairs. — Oxford, New York: Oxford University Press, 1991. — P. 131–168.

Gilmore S. Margaret Fuller 'Receiving the Indians' // Margaret Fuller's Cultural Critique: Her Age and Legacy / Ed. with Introduction by F. Fleischmann. — New York: Peter Lang, 2000. — P. 191–227.

Kolodny A. Margaret Fuller's First Depiction of Indians and the Limits on Social Protest: An Exercise in Women's Studies Pedagogy // Legacy: A Journal of American Women Writers. — 2001. — Vol.18, № 1. — Pp. 1–20. — DOI: 10.1353/leg.2001.0004.

Зверев А.М. Маргарет Фуллер // История литературы США. Т.2: Литература эпохи романтизма. — Москва : Издательство «Наследие», 1999. — С. 305–316.

Кизима М.П. «Лето на озёрах, в 1843-м» Маргарет Фуллер и развитие жанра травелога // Национальные коды в европейской литературе XIX—XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография с видеоприложением. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. — С. 191–202.

Fuller S. M. Summer on the Lakes, in 1843. — Boston : Charles C. Little and James Brown; New York : Charles S. Francis and Company, 1844. — 256 p.

Margaret Fuller: Transatlantic Crossings in a Revolutionary Age / Ed. by Charles Capper and Cristina Giorcelli. — Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 2007. — xviii, 281p.

Chevigny B.G. The Woman and the Myth: Margaret Fuller's Life and Writings. — Boston: Northeastern University Press, 1994. — xlv, 574 p.

Matteson J. The Lives of Margaret Fuller. — New York; London : W.W. Norton & Company, 2012. — xvi, 510 p.

Prucha F. P. The Great Father: the United States Government and the American Indians. — Lincoln, Neb. : University of Nebraska Press, 1995. — xxxii, 1302 p.

Mielke L. The Book, the Poet, the Indian: Transcendental Intermediaries in Margaret Fuller's Summer on the Lakes and Henry David Thoreau's The Maine Woods // Moving Encounters: Sympathy and the Indian Question in Antebellum Literature (Native Americans of the Northeast). — Amherst: Massachusetts University Press, 2008. — P. 93–114.

References:

Higginson, Th. W. (1884) Margaret Fuller Ossoli. Boston: Houghton Mifflin.

Capper, Ch. (2010) Margaret Fuller: An American Romantic Life: in 2 vols. Vol. 2: The Public Years. Oxford, New York: Oxford University Press.

Marshall, M. (2013) *Margaret Fuller: A New American Life*. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt. Bailey, B., (ed.) (2013) *Margaret Fuller and Her Circles*. Durham, N.H.: University of New Hampshire Press. Bailey, B., (ed.) (2015) *Nineteenth-Century Prose, Special Issue on Margaret Fuller*, 42 (2).

Zwarg, Ch. (1995) Feminist Conversations: Fuller, Emerson, and the Play of Reading. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

Steele, J. (2001). Transfiguring America: Myth, Ideology, and Mourning in Margaret Fuller's Writing. Columbia: University of Missouri Press.

Cooper, M. B. (2000) 'Textual Wandering and Anxiety in Margaret Fuller's Summer on the Lakes', in F. Fleischmann, (ed.) Margaret Fuller's Cultural Critique: Her Age and Legacy. New York: Peter Lang, pp. 171-189.

Matteson, J. (2015) 'Overcoming Fragmentation in Summer on the Lakes', Nineteenth-Century Prose, Special Issue on Margaret Fuller, 42(2), pp. 63–92.

Maddox L. (1991) 'Points of Departure: Fuller, Thoreau, and Parkman', in *Removals: Nineteenth-Century* American Literature and the Politics of Indian Affairs. Oxford, New York: Oxford University Press, pp. 131–168. Gilmore, S. (2000) 'Margaret Fuller 'Receiving the Indians', in F. Fleischmann, ed. Margaret Fuller's Cultural Critique: Her Age and Legacy. New York: Peter Lang, pp. 191–227.

Kolodny, A. (2001) 'Margaret Fuller's First Depiction of Indians and the Limits on Social Protest: An Exercise in Women's Studies Pedagogy', Legacy: A Journal of American Women Writers, 18 (1), pp. 1–20. Doi: 10.1353/leg.2001.0004.

Zverev, A. M. (1999) 'Margaret Fuller', in Istoriya literatury SShA. T.2: Literatura epokhi romantizma [History of Literature of the United States. Vol. 2: The Epoch of Romanticism]. Moscow: «Nasledie» Publ., pp. 305–316. (In Russian)

Kizima, M. P. (2020) 'Leto na ozjorah, v 1843-m Margaret Fuller i razvitie zhanra traveloga [Margaret Fuller's «Summer on the Lakes, in 1843» and the development of the genre of travelogue]', in Nacional'nye kody v evropejskoj literature XIX–XX vv. Literaturnyj kanon v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: kollektivnaja monografija c videoprilozheniem [National Codes in European Literature of the XIX-XXth Centuries. Literary Canon in the Context of Intercultural Communication: Collective monograph with a Video Appendix]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., pp.191–202. (In Russian)

Fuller, S. M. (1844) Summer on the Lakes, in 1843. Boston: Charles C. Little and James Brown; New York: Charles S. Francis and Company.

Capper, Ch. and Cristina Giorcelli, (eds.) (2007). Margaret Fuller: Transatlantic Crossings in a Revolutionary Age. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press.

Cheviany, B. G. (1994) The Woman and the Myth: Margaret Fuller's Life and Writings. Boston: Northeastern University Press.

Matteson J. (2012) The Lives of Margaret Fuller. New York; London: W.W. Norton & Company. Prucha, F. P. (1995) The Great Father: the United States Government and the American Indians. Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press.

Mielke L. (2008) 'The Book, the Poet, the Indian: Transcendental Intermediaries in Margaret Fuller's Summer on the Lakes and Henry David Thoreau's The Maine Woods', in Moving Encounters: Sympathy and the Indian Question in Antebellum Literature (Native Americans of the Northeast). Amherst: Massachusetts University Press, pp. 93-114.

Информация об авторе

Марина Прокофьевна Кизима — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Marina P. Kizima — Doctor of Letters, Professor of the Department of World Literature and Culture, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; одобрена после рецензирования 23.07.2021; принята к публикации 30.07.2021.

The article was submitted 24.05.2021; approved after reviewing 23.07.2021; accepted for publication 30.07.2021.